

Методология и методы функциональной семантики и лингвосемиотики

Methodology and Methods of Functional Semantics and Linguosemiotics

Научная статья

УДК 811.161.1'37:1:34

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-567-580

Философские вопросы семантики, поднимаемые Л.А. Новиковым, — ключ к формированию терминологического аппарата юрислингвистики (категория умышленности)

В.А. Маслова, А.А. Лавицкий

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
пр-т Московский, 33, Витебск, Беларусь, 210038

Во второй половине прошлого столетия в лингвистике все острее стали изменения, связанные с назревшей необходимостью перехода науки о языке на принципиально новый этап своего развития. Одним из первых это понял Л.А. Новиков, представивший в 80-е годы XX века новый взгляд на семантику с глубоким философским пониманием ее проблемного поля, стремлением к поиску решений через междисциплинарные связи языка. Для современного языкознания подходы Л.А. Новикова очевидны, но не лишены актуальности и могут стать ключом к разрешению многих проблем, особенно в области терминоведения.

В настоящей статье, основываясь на учении Льва Алексеевича, предпринята попытка дать определение категории умышленности с позиции юрислингвистики, так как использование имеющихся в теории права представлений для нового интегративного направления уже недостаточно. Юрислингвистика вступила в фазу развития, когда остро ощущается необходимость формирования собственного терминологического словаря. Данный процесс не может быть «закрытым» и ограничиваться подходами теории права и теории языка: формирование понятийного аппарата должно проходить на основе представлений, имеющихся в философии, психологии, физиологии, педагогике и т.д. Такое понимание проблемы находит отражение в настоящей работе, что позволяет определить умышленность как форму реализации намеренности действия, детерминированного мотивом.

Ключевые слова: Л.А. Новиков, семантика, юрислингвистика, интегративность, умышленность, мотив, намеренность

© Маслова В.А., Лавицкий А.А., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

*Знакомство с мыслями светлых умов
составляет превосходное упражнение:
оно оплодотворяет и изоцирует ум.*

(Иоганн Готфрид Гердер)

Введение

Лев Алексеевич Новиков, ученик Виктора Владимировича Виноградова, стоял у истоков сильнейшей в Европе Московской семантической школы, получившей развитие во второй половине XX века. Его «Семантика русского языка» [1], вышедшая в свет в 1982 году, — образец учебника, в котором чем сложнее идея, тем проще она излагается, а не наоборот, как это часто случается сейчас. Одновременно он гораздо шире и глубже обычного учебного издания. В нем Лев Алексеевич следует заветам И. Канта о том, что нужно учить не мыслям, а мыслить. Он подчеркивал, что язык — «сложное образование, единство психических, физиологических и физических процессов составляющих» [2. С. 388].

Те идеи, которые в начале XXI столетия стали основополагающими для всей лингвистики, Лев Алексеевич увидел еще полвека назад. Только на рубеже тысячелетий языковедение стало осваивать то, что раньше в сферу интересов данной науки не входило, считалось выходящим за рамки ее исследовательских компетенций. Так, сейчас мы отмечаем достаточно высокий уровень интегративности лингвистики не только с гуманитарными, но и естественными науками, что вполне объективно, ибо только обращение к междисциплинарному осмыслению явлений языка позволит получить результаты, способствующие решению сложных научных и практических задач [3. С. 13]. Об этом Л.А. Новиков писал еще в 1982 году, указывая на связь и взаимодействие лингвистики с другими смежными науками — логикой, психологией, философией, теорией поэтики [1. С. 14].

В силу экспансии практикоориентированного подхода и снижения востребованности фундаментальных гуманитарных теорий несколько изменились приоритеты интеграционного взаимодействия языка с другими научными отраслями: на передний план вышли прикладные направления (биология, физика, IT и др.), однако сам принцип облигаторности междисциплинарного подхода, продекларированный Л.А. Новиковым еще в прошлом столетии, отчетливо прослеживается в современных тенденциях лингвистических исследований. Очевидно, в своих трудах Лев Алексеевич придерживался именно этой позиции, что позволяет использовать его наработки в области семантики в преломлении к новым направлениям науки о языке. В частности, в данной статье речь пойдет о возможности их использования как основы для решения отдельных проблем юрислингвистики — направления, оформившегося на рубеже веков на стыке «сложного диалектического взаимодействия юридического и языкового аспектов» [4. С. 49].

Цель статьи — представить на основе семантической теории, разрабатываемой Л.А. Новиковым, определение умышленности как специального понятия в юрислингвистике. Актуальность поставленной цели обусловлена назревшей проблемой формирования собственного терминологического тезауруса юрислинг-

вистики, что объективно необходимо для нормализации понятийного аппарата и дальнейшего развития интегративного направления (на значимость подготовки специального словаря юрислингвистической терминологии указывают Н.Д. Голев и О.Н. Матвеева [5. С. 202]).

О статусе юрислингвистики в структуре современных направлений языкознания

Прежде чем обратиться к детальному рассмотрению заявленной проблематики, следует дать краткую характеристику юрислингвистического направления в перспективах развития его исследовательского поля. Первые попытки осмысления вопросов взаимоотношения языка и права обнаруживаются еще в философских трудах Античности [6. С. 11], однако вплоть до конца XIX века «ни в социальной философии, ни в теоретической юриспруденции не принимались во внимание такие формирующие факторы, как язык права [7. С. 39]», несмотря на то, что, по замечанию одних из первых авторов работ в этой области В.Д. Каткова и В.Д. Титова, «интерес к языку права спорадически проявлялся на протяжении всей истории философско-правовой, законотворческой и практико-юридической рефлексии» [8. С. 432].

Современное понимание феномена языка права сформировалось в рамках немецкой лингвистической школы в конце позапрошлого столетия, где данное понятие определялось как самостоятельный, отдельный профессиональный язык [9. С. 309—316]. В немецком научном дискурсе также впервые появился и термин «правовая лингвистика», который ввел в профессиональный обиход во второй половине 70-х гг. XX в. А. Подлех в своей статье «*Rechtslinguistik*» [10. С. 105—116].

Как отдельная научная отрасль юрислингвистика стала складываться на рубеже XX—XXI вв. В начале своего становления новое направление имело прикладной характер, но вскоре стало очевидно, что без достаточно серьезного теоретического обоснования его существование невозможно в силу неготовности «решать конкретные исследовательские задачи» [11. С. 15].

В основе теоретического осмысления и формирования собственного терминологического тезауруса и методологического инструментария юрислингвистики лежит понимание языка как особого феномена и конструкта системы права. По этому поводу А.С. Александров задает логичный, с нашей точки зрения, риторический вопрос: «Разве не язык есть предел и сама бытийная основа юридической реальности?» [12. С. 4].

К сожалению, необходимость ставить подобные вопросы обусловлена тем фактом, что и в реалиях современной научной парадигмы далеко не все понимают глубокую мысль Н.Д. Арутюновой: «Познание не может пренебречь фактором целостности» [13. С. 315]. На это указывает и то, что сегодня в определении сущности и значимости юридического языка нет единого мнения. Правоведы чаще всего боятся экспансии лингвистической составляющей и понимают данную категорию лишь «как средство осуществления мысли и воли законодателя, и на это понимание хорошо ложится концепция языка как орудия мышления (прежде всего,

в „аристотелевском“ варианте — то есть формальной логики, к которой тяготеет юридическое сознание)» [14. С. 34].

Очевидно, что такой подход можно назвать формальным или узким, так как он не принимает во внимание возможности глубинного познания и отражения действительности, в том числе истины как главной ценности права, коими обладает язык. В этом случае язык представляется как некая «субстанция юридической деятельности» [14. С. 35], основа, детерминирующая фундаментальные категории правового поля. Однако кооперационное взаимодействие языка и права не является конечным этапом в формировании юрислингвистического направления. Так, М.А. Осадчий пишет: «Работа в междисциплинарной области лингвистики и юриспруденции потребовала подключения понятийно-методологического аппарата двух дополнительных научных областей — экономики и технических наук» [15. С. 5]. Во многом это связано с тем, что «производство судебной лингвистической экспертизы требует применения объективных и проверяемых процедур идентификации признаков преступлений» [16. С. 498]. Но на фундаментальном уровне думается, что это лишь один из начальных уровней интеграции, образующих основы юрислингвистики, который свидетельствует отнюдь не о слабости научного направления, а о его стремлении к глубинному объяснению процессов, поиску оптимально рациональных и верифицированных подходов в понимании языка в праве и права в языке. Таким образом, юрислингвистику следует определять как интегративное научное направление, объектом которого является зона пересечения языка и права (по Н.Д. Голеву, имеет «две составляющие: юридический аспект русского языка и лингвистические аспекты права» [17]). То есть это обширная область научного познания, включающая ряд различных дискурсивных практик: судебную, экспертно-криминалистическую, процессуальную и др.

Интердисциплинарность в семантике Л.А. Новикова

Только теперь стало понятно, что любая лингвистическая теория, опирающаяся только на языковые факты, уже не отвечает запросам современности: она не может объяснить ни процессов коммуникации, ни механизмов вплетения культуры в семантику языковых единиц и — шире — в текст, ни проблем языкового сознания, ни ряда других вопросов, возникающих на стыках разных наук и лингвистики (например, физиологии и языка, микробиологии и языка).

Л.А. Новиков писал: «Как идеальное диалектическое отражение материального мира, значение представляет собой функцию мозга, мыслительный процесс, который является психической формой существования этого идеального отражения» [2. С. 391]. Тем самым он акцентировал внимание на необходимости исследовать значение как с позиции философии, так и психологии. Он предчувствовал, что только синтез научного знания позволяет получить новые знания в семантике.

Этот подход теперь успешно реализуется. Примером может служить работа В.С. Баевского «Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы» [18]. В трудах современных лингвистов также можем увидеть стремление к интегративности и полидисциплинарности

ности: «узконаправленные координаты одной отдельно взятой дисциплины недостаточны для продуцирования новых знаний и перестают вписываться в новую архитектуру мира, его субъекта и гносеологических оснований» [19. С. 11].

На рубеже веков возникает довольно много интегративных направлений, затрагивающих проблемы человека и его языкового сознания, языка в человеке, культуре, обществе и им подобные. Поэтому для такой сложной области исследования, как язык, свой вклад должны внести представители многих наук — от молекулярной биологии, генетики, нейрофизиологии, психологии до антропологии, нейролингвистики, аналитической философии. Специализация исследований должна идти, говоря словами В.И. Вернадского, «не по наукам, а по проблемам», потому что именно снятие информационных барьеров между науками и дает мощный импульс для развития исследований. Более того, здесь нужно не только содружество ученых разных профилей, что мы уже начинаем понимать, а «специалисты другого, полидисциплинарного, типа, которых нужно готовить в лучших университетах» [20. С. 75], как считает Т.В. Черниговская.

Такое мировидение позволяет по-новому посмотреть на ряд проблем в разных областях знания, например, на систему образования, которую дробление на специализации и жесткое разграничение гуманитарных и естественных наук чуть ли не в начальной школе привело к кризису. Следствием такого подхода становится фрагментарность в мировидении. Однако мы знаем, что наиболее яркие открытия в науке делали не узкие специалисты, а люди, мыслящие широко, сочетающие в своих исследованиях далекие, но взаимодополняющие аргументы и знания — Леонардо да Винчи, В. Вернадский, К. Циолковский и др. Вспомним также поистине пророческую мысль М.В. Ломоносова о «сближении далековатых идей».

Все эти взгляды разделял Лев Алексеевич, который еще в 70-е годы прошлого века писал о том, что значение символизирует «языковую компетенцию как центральное понятие семантики», а с точки зрения гносеологии — это «специфическое отражение языком объективного мира», с точки зрения онтологии — «результат этого отражения» [21. С. 40]. Следовательно, язык, будучи сложным и загадочным явлением, позволяет отобразить мир во всем его многообразии: и как процесс, и как результат, и как предвидение будущего.

Еще одна интересная идея Л.А. Новикова, получившая развитие в современной лингвистике, заключается в необходимости и важности глубинной интерпретации наблюдаемых в опыте фактов языка. Данное положение прослеживается в ряде работ Л.А. Новикова, в том числе и обращенных к практикам — учителям и преподавателям [1. С. 84]. И сказано это было в век лингвистической бухгалтерии, когда все любили считать и чертить графики.

Идеи Льва Алексеевича о глубинной интерпретации языка вывели на новый уровень функциональную лингвистику, благодаря чему мы увидели дальше Пражцев. Подход Л.А. Новикова дополняет и популярную модель речевой коммуникации Пражской школы, и модель коммуникации Р.О. Якобсона. Его модель отличается от названных моделей, которые либо не содержат компонента *цель* (Р.О. Якобсон), либо цель приравнивается к функции языковых средств, — собственно же прагматический аспект долгое время оставался за кадром (Пражцы).

Л.А. Новиков учитывает смысл «целостных смысловых интенций (коммуникативных намерений, обусловленных определенной ситуацией)» [2. С. 10]. Именно такая модель, учитывающая «интрапсихический феномен», помогает многое понять в юридической казуистике умышленности (преднамеренности), о чем речь пойдет далее.

Проникшие позднее в СССР работы Г.П. Грайса [22], П.А. Стросона [23] и Дж.Р. Сёрля [24] официально открыли новое направление, которое иногда называют *интенционализм*, поскольку они учитывают исходную интенцию (намерение, субъективное значение) говорящего и интерпретацию (в меньшей степени) слушающего, воздействие на него. В рамках модели коммуникативного процесса стали говорить о речевом взаимодействии, которое и является «основной реальностью языка». Но мы не должны забывать и об отечественных лингвистах, сказавших свое веское слово и направивших целое поколение молодых лингвистов в нужное русло.

Для всей современной гуманитарной науки характерен переход от фактического знания к глубинному. Уже в начале XXI века академик Ю.С. Степанов писал об этом в своих работах «Концепты. Тонкая пленка цивилизации» [25], «Мыслящий тростник» [26], «Протей. Очерки хаотической эволюции» [27] и др.

Познавательные структуры личности «уходят неопределенно глубоко в недра его психики, затрагивая миф, религию, искусство и другие явления, но они могут быть реконструированы по данным образных систем (внешне проявляющихся в виде символов) человеческой психики с выходом на концептуальные построения языка» [28. С. 38].

По выражению П. Рикера, над каждым словом находится «венчик невыразимого» [29. С. 214], и в любой момент диалога во взвешенном состоянии находится и то, что непосредственно высказывается, и вся бесконечность имплицитного. На этом основаны разные виды языковой игры, которую лучше было бы назвать в ряде случаев мудростью и предостережением: *Всем хочется провести время... Но время не проведешь.*

Наиболее прямой путь к глубинному знанию — особое внимание к семантическим процессам, к чему призывал Л.А. Новиков.

Как ложатся на семантику языка наши знания о мире? По-разному. Например, сквозь современное значение многих слов мерцают культурные смыслы: *пред* — *рассудок* — это то, что предшествует рассудку, *нрав* (то есть характер в современном представлении) — у древних славян данное слово заключало в себе определенные этические установки и считалось отрицательным свойством личности, до сих пор это сохранилось в *норов*. *Хохотать*, *соскучиться* — специфические единицы русского языка, которые невозможно без потери смысла перевести на европейские языки. Таким образом, в языке отображены не только мировидение и миропонимание, но и понимание народом самого себя. Как писал В.В. Колосов, «...язык живет в нас. Он хранит в нас нечто, что можно было бы назвать интеллектуально-духовными генами, которые переходят из поколения в поколение» [30. С. 137].

Человек живет в мире значений и смыслов, репрезентирующих реальность. Однако здесь следует иметь в виду, что это не та традиционная семантика, а ее глубинные процессы, не лежащие на поверхности. Разделить их трудно, но и не замечать нельзя, так как языковая и культурная семантика во многих единицах языка тесно переплетается. Например, фразеологизм *спать и видеть* в значении «очень сильно хотеть». Имплицированная культурная информация: сон отражает сокровенные мечты, он прямо или косвенно связан с реальностью, поэтому у ряда народов есть ритуальные практики через сон изменять реальность. Отсюда следует, что во фразеологических единицах *выносить сор из избы, спать и видеть* просматривается следующий глубинный смысл: сон — это состояние полуреальности, которое помогает ее понять и предвидеть (ср.: *Смеяться во сне — плакать наяву. Смеяться во сне — к болезни* и т.п.).

Юрислингвистическая категория умышленности в призме философской семантики Л.А. Новикова

Обратимся к примерам из области юридического дискурса, в частности, касающихся категории **умышленности**. Интересующая нас проблема совершения преступления не может быть решена без обращения к аналогичным, но более простым по значению и смыслу феноменам. Например, **закон**, который существует во многих культурах, а потому можно просто перевести данную лексему с русского на любой иностранный язык. Однако все не так просто. Есть народы, которые чтят **закон**, например, евреи, американцы, китайцы. В России к закону всегда относились без уважения: *Закон что дышло, куда повернул, туда и вышло*.

Русская культура не включает в себя законопочитания, как культура протестантская или конфуцианская. К закону у нас отношение эмоциональное (*Где закон, там и обида; Где закон, там и страх*), потому и значимость закона, его правовая сила весьма относительны: *Что мне законы, были бы судьи знакомы; Закон — что паутина: имель проскочит, а муха увязнет*. Закон можно не исполнять, прикинувшись неразумным: *Дуракам закон не писан*. Он меняется в зависимости от обстоятельств: *Нужда свой закон пишет; Сила закон ломит*.

Следовательно, язык свидетельствует об отношении русского человека к закону с большим приближением к истине, нежели сам юридический дискурс. Это очень важно, потому что толкование законов может сыграть судьбоносную роль в жизни человека.

Интересующая нас проблема определения сущности категории умышленности также не имеет однозначного толкования в парадигме современных гуманитарных наук, однако, полагаем, может быть решена с учетом семантического учения Л.А. Новикова.

В юридической интерпретации умысел — это форма вины [31. С. 193] и одновременно один из основополагающих критериев определения степени тяжести преступного деяния. В уголовном и административном праве выделяют прямой и косвенный (эвентуальный (от лат. ‘eventum’ — случай)) умыслы, понимание которых строится на осознании субъектом возможности или неизбежности наступления последствий и желании их наступления [32. С. 58].

Таким образом, считается, что убийство с целью получения наживы (огрбления) имеет прямой умысел, а, например, нарушение правил дорожного движения — эвентуальный.

Несмотря на наличие терминологического определения, вопрос об установлении вида умысла, с которым совершено преступление, относится к компетенции судебных органов, что, очевидно, тесно связано с необходимостью изучения мотивационной сферы субъекта правонарушения. Но наличие указанной выше правовой трактовки зачастую «связывает руки» Фемиде, и решение по определению вида умышленного действия основывается на субъективном мнении судьи.

Приведем пример:

Господин Н. разместил на своей странице в социальной сети пост, в котором негативно высказывался о представителях другой нации, что подтверждено в ходе проведения лингвистической экспертизы текста (специалисту был поставлен вопрос о наличии в тексте информации с негативной семантической характеристикой представителей конкретной национальности). На основании этого Н. предъявлено обвинение в разжигании межнациональной розни. В своих показаниях обвиняемый пояснил, что не имел целью развязать конфликт и не призывал к этому, а размещенное открытое сообщение лишь выражает его собственное мнение. В процессе судебного заседания судья поддержал обвинение.

Не вдаваясь в обсуждение обоснованности выдвинутого обвинения, обратимся к анализу умышленности совершенного деяния. Очевидно, что в призме правовой интерпретации данное нарушение закона имеет косвенный умысел, так как Н. не призывал к совершению неприемлемых с позиции правовых норм действий в отношении представителей другой нации, но мог предвидеть негативные последствия совершенного. Однако в данном случае возникает логичный, с нашей точки зрения, вопрос, а действительно ли в действиях обвиняемого имелся умысел или это был акт выражения личного мнения (современная лингвистическая экспертология имеет определенный методологический инструментарий для дифференциации фактологичности высказывания и выражения мнения). В этом случае приведенный пример не подпадает под действие статьи Уголовного кодекса о разжигании межнациональной розни. Речь даже не может идти и о другом наказуемом деянии — оскорблении по мотивам межнациональной неприязни.

Таким образом, очевидно, что наличие умысла и установление его вида является и показателем фактологичности правонарушения. Может ли в анализируемом примере судья безапелляционно ответить на вопрос о наличии умысла и его виде? Думается, что в отношении преступлений, совершаемых вербальным способом (последние исследования показывают, что количество таких правонарушений достаточно велико), это является сферой компетенции юрислингвистики, в частности, лингвистической экспертологии (важно лишь поставить перед экспертом правильные вопросы). Очевидно также, что современной лингвистике вполне по силам справиться с данной проблемой, а ключ к ее разрешению лежит в области применения междисциплинарного подхода глубокого (междисциплинарного) понимания сематического значения категории умышленности.

В гуманитарных науках понятие умысла чаще всего определяется как синонимичное обозначение намеренности (преднамеренности) с негативной семантической коннотацией (обычно со значением ‘предосудительное’ или ‘дурное’ [33. С. 324], ‘преступное’ [34. С. 241]). Сравним с актуальным словарем синонимов: «умышленность — намеренность, злонамеренность, сознательность, демонстративность, злость, преднамеренность, нарочитость, предумышленность» [35]. Обычно оба термина используются в теории психологии и педагогики, а также права, где, однако, рассматриваются с разных позиций, вследствие чего имеют несколько отличные трактовки.

Для психологической и педагогической наук намеренность являет собой набор «элементов мотивационно-потребностной сферы», то есть «замысел, желание, предположение сделать, совершить что-либо» [36. С. 128]. Не лишним здесь будет привести слова Г. Гегеля: «Но воля имеет право признавать своим в своем деянии лишь то и нести вину лишь за то, что ей ведомо как предпосылка ее цели, лишь то, что содержалось в ее умысле» [37. С. 141].

Иными словами, наличие умысла может определяться через понятия намеренности и целенаправленности, в основе которых лежит мотив. Таким образом, умышленность следует рассматривать как форму реализации намеренности действия, детерминированного мотивом. При этом и мотив мы рассматриваем широко (как и в учении философской семантики Л.А. Новикова), то есть основой для любого сознательного действия: А. Адлера считает, что поведение человека всегда социально обусловлено: «Людьми движет потребность преодолеть чувство неполноценности и стремление к превосходству» [38. С. 86].

Думается, что представленное определение современная теория права не готова полностью принять. Связано это, в первую очередь, с тем, что в юриспруденции мотив является самостоятельной категорией, обособленной от умышленности: «*мотив преступления* — непосредственная внутренняя побудительная причина преступного деяния (напр., ревность, месть, корысть). Элемент субъективной стороны преступления. В отдельных случаях <...> является обязательным или квалифицирующим признаком состава преступления. В других <...> может служить отягчающим или смягчающим наказанием обстоятельством» [31. С. 91].

Заключение

Во второй половине прошлого века «Семантика» Льва Алексеевича Новикова стала одним из тех учений, которые показали, что из старого структурно-семантического «каркаса» лингвистики пробиваются вызревшие в его же недрах новые силы, способные дать новые глубинные представления о языке и его роли в междисциплинарном познании окружающего мира. Семантическое озарение Л.А. Новикова и в XXI веке дает лингвистике пищу для размышления, позволяет по новому взглянуть на устоявшиеся традиции понимания важнейших категорий, в том числе и функционирующих в других научных парадигмах, на стыке их интересов как интегративной сфере исследовательского внимания. В частности, в настоящей работе мы предприняли попытку представить определение категории умышленности с позиции современной юрислингвистики, которая находится в стадии активного формирования как отдельной научной отрасли.

Практика лингвоправовой экспертной деятельности показывает, что одной из важнейших проблем, стоящих перед всей юрислингвистикой, в настоящее время является вопрос собственного терминологического тезауруса, который зачастую не может быть «экспортирован» из теории права или теоретических основ языкознания. Так, обратившись к понятию умышленности, очевидно, что данный термин нуждается в глубокой междисциплинарной трактовке с привлечением знаний философии, психологии, педагогики и др., в результате чего стало возможным но новому представить умышленность как форму реализации намеренности действия, детерминированного мотивом. Думается, что такое определение будет достаточно актуальным, так как в дальнейшем позволит разработать модель умышленности правонарушения, исходя из видов мотивов и намерений. Однако очевидно, и само определение, и ее моделирование нуждаются в практической апробации.

Формирование собственного терминологического аппарата юрислингвистической теории представляется достаточно сложным процессом, что объективно обосновано не только значимостью области исследовательского интереса, но и необходимостью обратиться к глубинной семантике понятий, когда, однако, часто возникает ситуация, описанная С. Лемом: где бы ни появлялось значение — за ним выплывают кошмары бесконечности, зыбкости, неопределенности, а все квантовые, поэтапные, точные действия тонут в наплыве проклятого смыслового мрака [39. С. 236].

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 20.06.2019

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 20.06.2019

Библиографический список

1. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982.
2. Новиков Л.А. Избранные труды. Том I: Проблемы языкового значения. М.: Изд-во РУДН, 2011.
3. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018.
4. Лебедева Н.Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики // Юрислингвистика—2: сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2000. С. 49—67.
5. Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Лингвистическая экспертиза: на стыке языка и права // Юрислингвистика—7: язык как феномен правовой культуры. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. С. 189—210.
6. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. М.: Высшая школа, 2004.
7. Катков В.Д. Наука и философия права. Берлин: Издание книжного магазина Штура, 1901.
8. Титов В.Д., Зархина С.Э. Историческое развитие философско-логических концепций языка права. М.: ФИНН, 2009.
9. Otto W. Erwartungen an die Rechts — und Verwaltungssprache in der Zukunft // Muttersprache. Heft 5—6/92. Wiesbaden: GfdS, 1982. P. 309—316.
10. Podlech A. Rechtslinguistik // Grimm, Dieter [Hrsg.] Rechtswissenschaft und Nachbarwissenschaften. Bd. II. München: Beck, 1976. P. 105—116.
11. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиология. Барнаул: АлтГПА, 2009.

12. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003.
13. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
14. Голев Н.Д. Взаимодействие естественного и юридического языка как базовая проблема юрислингвистики // *Право і лінгвістика*. Симферополь: ДОЛЯ, 2003. С. 33—41.
15. Осадчий М.А. Русский язык на грани права: функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2016.
16. Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая параметризация вербальной угрозы // *Современные проблемы науки и образования*. 2012. no 6. С. 498—507.
17. Голев Н.Д. Юрислингвистика: программа курса для студентов филологического факультета, обучающихся по дополнительной специализации «Лингвокриминалистика» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yurisingvistika-programma-kursa-dlya-studentov-filologicheskogo-fakulteta-obuchayushchihya-po-dopolnitelnoy-spetsializatsii> (дата обращения: 01.06.2019).
18. Баевский В.С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. М.: Языки славянской культуры, 2001.
19. Бахтиреева У.М. Феномен Георгия Дмитриевича Гачева // *Национальные образы мира в художественной культуре*. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2015. С. 10—15.
20. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2017.
21. Новиков Л.А. Логическая противоположность и лексическая антонимия // *Русский язык в школе*. 1966. № 4. С. 79—87.
22. Grice P. *Studies in the Way of Words*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1989.
23. Strawson P.F. *Meaning and Truth // Philosophy as it is*. London: Oxford University Press, 1970.
24. Searle J. *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
25. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянской культуры, 2007.
26. Степанов Ю.С. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». Калуга: Издательство «Эйдос», 2010.
26. Степанов Ю.С. Протей. Очерки хаотической эволюции. М.: Языки славянской культуры, 2004.
28. Берестнев Г.И. Синхронистичность как объект когнитивной лингвистики // *Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX—XXI веков*. Ч. 1. Липецк, 2017. С. 36—44.
29. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2002.
30. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова... СПб.: Златоуст, 1999.
31. Сухарев А.Я., Крутских В.Е. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2003.
32. Малько А.В. Большой юридический словарь. М.: Проспект, 2009.
33. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
34. Merriam-Webster's Dictionary of Law. Merriam-Webster: Merriam-Webster Incorporated, 2016.
35. *Словарь синонимов (В.Н. Тришин, 2013)* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm> (дата обращения: 01.06.2019).
36. Новиков А.М. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. М.: Издательский центр ИЭТ, 2013.
37. Гегель Г. Философия права. М.: Мир книги, 2009.
38. Concise Encyclopedia of Psychology [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KORSINI_Raymond,_AUERBAH_Alan/_Korsini_R.,_Auerbah_A.html (дата обращения: 01.06.2019).
39. Лем С. Сумма технологий. М.: Издательство «Мир», 1968.

УДК 811.161.1'37:1:34

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-567-580

Philosophical Issues of Semantics Raised by L.A. Novikov as a Key to Creating the Terminology Apparatus of Legal Linguistics (Category of Intentionality)

Valentina A. Maslova, Anton A. Lavitski

Vitebsk State P.M. Masherov University
pr-t Moskovskiy, 33, Vitebsk, 210038, Belarus

Abstract. In the late 20th century, in linguistics, inevitable changes were felt which were connected with the necessity in the transition of the science about language onto an absolutely new stage of its development. L.A. Novikov was one of the first among those who understood it. In the 80-s of the previous century he presented a new idea of semantics with deep philosophic understanding of its problem field, with the aspiration to seek solutions through the language interdisciplinary links. For the contemporary linguistics L.A. Novikov's approaches are evident; however, they are not deprived of urgency and can become a clue to the solution of many problems especially in the field of terminology studies.

In the present paper, on the basis of L.A. Novikov's theory, an attempt is made to give the definition for the category of intentionality from the point of view of legal linguistics since the application of the available in the theory of law ideas for the new integrated direction is already insufficient. Legal linguistics has entered the development phase when there is an urgent necessity in shaping its own terminological vocabulary. This process can't be "closed" and be limited by the approaches of the theory of law and theory of language: the shaping of the notion apparatus must be based on the ideas available in philosophy, psychology, physiology, education etc. This understanding of the problem finds its reflection in the present paper which makes it possible to define intentionality as a form of the implementation of the deliberateness of the act which is determined by the motive.

Key words: L.A. Novikov, semantics, legal linguistics, integrativity, intentionality, motive, deliberateness

References

1. Novikov, L.A. (1982). *The semantics of the Russian language*. Moscow: Higher School. (In Russ.).
2. Novikov, L.A. (2011). Selected Works. Volume I. *Problems of linguistic significance*. Moscow: Publishing house of RUDN. (In Russ.).
3. Maslova, V.A. (2018). *Modern trends in linguistics*. Vitebsk: VSU named after P.M. Masherova. (In Russ.).
4. Lebedeva, N.B. (2000). On the metalinguistic consciousness of lawyers and the subject of legal science. *Legal studies — 2: a collection of scientific papers*. Barnaul: Publishing House of the Altai University. pp. 49—67. (In Russ.).
5. Golev, N.D. & Matveeva, O.N. (2006). Linguistic expertise: at the crossroads of language and law. *Legal studies—7: language as a phenomenon of legal culture*. Barnaul: Publishing House of Altai University. pp. 189—210. (In Russ.).
6. Kashanina, T.V. (2004). *The origin of the state and law*. Moscow: Higher School. (In Russ.).
7. Katkov, V.D. (1901). *Science and philosophy of law*. Berlin: Publishing of the Stuhr bookstore. (In Russ.).
8. Titov, V.D. & Zarkhina, S.E. (2009). *The historical development of philosophical and logical concepts of the language of law*. Moscow: FINN. (In Russ.).

9. Otto, W. (1982). Erwartungen an die Rechts — und Verwaltungssprache in der Zukunft. *Muttersprache*. Heft 5-6/92. Wiesbaden: GfdS. pp. 309—316. (In German).
10. Podlech, A. (1976). Rechtslinguistik. *Grimm, Dieter [Hrsg.] Rechtswissenschaft und Nachbarwissenschaften*. Bd. II. München: Beck. ss. 105—116. (In Ger.).
11. Brinev, K.I. (2009). *Theoretical linguistics and judicial linguistic expertology*. Barnaul: AltGPA. (In Russ.).
12. Aleksandrov, A.S. (2003). *Introduction to forensic linguistics*. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of Law. (In Russ.).
13. Arutyunova, N.D. (1988). *Types of language values. Evaluation. Event. Fact*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
14. Golev, N.D. (2003). The interaction of natural and legal language as a basic problem of legal science. *Pravo i lingvistika*. Simferopol: SHARE. pp. 33—41. (In Russ.).
15. Osadchy, M.A. (2016). *Russian language on the verge of law: the functioning of the modern Russian language in terms of the legal regulation of speech*. Moscow: Book house “LIBRI-KOM”. (In Russ.).
16. Osadchy, M.A. (2012). Forensic linguistic parametrization of the verbal threat. *Modern problems of science and education*. no. 6. pp. 498—507.
17. Golev, N.D. Legal studies: a course program for students of the Faculty of Philology, studying for an additional specialization “Linguocriminalism”. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yurilingvistika-programma-kursa-dlya-studentov-filologicheskogo-fakulteta-obuchayuschih-sya-podopolnitelnoy-spetsializatsii> (accessed: 01.06.2019). (In Russ.).
18. Baevsky, V.S. (2001). *Linguistic, mathematical, semiotic and computer models in history and literary theory*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
19. Bakhtikereva, U.M. (2015). Georgy Dmitrievich Gachev's Phenomenon. *National World Images in Artistic Culture*. Nalchik: Izd-vo M. and V. Kotlyarovyh. pp. 10—15. (In Russ.).
20. Chernigovskaya, T.V. (2017). *Schrodinger's Cheshire Smile: Language and Consciousness*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
21. Novikov, L.A. (1966). Logical contrast and lexical antonymy. *Russian language at school*. no. 4. pp. 79—87. (In Russ.).
22. Grice, P. (1989). *Studies in the Way of Words*. Cambridge, Mass: Harvard University Press. (In Eng.).
23. Strawson, P.F. (1970). Meaning and Truth. *Philosophy as it is*. London: Oxford University Press. (In Eng.).
24. Searle, J. (1983). *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge: Cambridge University Press. (In Eng.).
25. Stepanov, Yu.S. (2007). *Concepts. Thin film of civilization*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
26. Stepanov, Yu.S. (2010). *Thinking cane. The book about the “imaginary” literature*. Kaluga: Eidos Publishing House. (In Russ.).
27. Stepanov, Yu.S. (2004). *Proteus. Essays on chaotic evolution*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
28. Berestnev, G.I. (2017). Synchronicity as an object of cognitive linguistics. *Spirituality and mentality: the ecology of language and culture at the turn of the XX—XXI centuries*. Part 1. Lipetsk. pp. 36—44. (In Russ.).
29. Rikor, P. (2002). *Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics*. Moscow: CANON-press-C; Kuchkovo Pole. (In Russ.).
30. Kolesov, V.V. (1999). *Life comes from the word...* SPb: Zlatoust. (In Russ.).
31. Sukharev, A.Y. & Krutskikh, V.E. (2003). *Large legal dictionary*. Moscow: Infra-M. (In Russ.).
32. Malko, A.V. (2009). *Large legal dictionary*. Moscow: Prospectus. (In Russ.).
33. Efremova, T.F. (2000). *New dictionary of the Russian language. Sensible word-building*. Moscow: Russian language. (In Russ.).

34. Merriam-Webster's Dictionary of Law (2016). Merriam-Webster: Merriam-Webster Incorporated. (In Eng.).
35. Dictionary of Synonyms (V.N. Trishin, 2013). URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm>. (accessed: 01.06.2019). (In Russ.).
36. Novikov, A.M. (2013). *Encyclopedic dictionary on psychology and pedagogy*. Moscow: IET Publishing Center. (In Russ.).
37. Hegel, G. (2009). *Philosophy of Law*. Moscow: Mir of the book. (In Russ.).
38. Concise Encyclopedia of Psychology. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KORSINI_Raymond,_AUERBAH_Alan/_Korsini_R.,_Auerbah_A..html (accessed: 06/01/2019). (In Eng.).
39. Lem, S. (1968). *The amount of technology*. Moscow: Mir publishing house. (In Russ.).

Для цитирования:

Маслова В.А., Лавицкий А.А. Философские вопросы семантики, поднимаемые Л.А. Новиковым, — ключ к формированию терминологического аппарата юрислингвистики (категория умышленности) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 3. С. 567—580. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-567-580.

For citation:

Maslova, V.A. & Lavitski, A.A. (2019). Philosophical Issues of Semantics Raised by L.A. Novikov as a Key to Creating the Terminology Apparatus of Legal Linguistics (Category of Intention). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (3), 567—580. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-567-580.

Сведения об авторах:

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; e-mail: mvavit@tut.by.

Лавицкий Антон Алексеевич, заведующий кафедрой германской филологии Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: anton_lavitski@mail.ru.

Information about the authors:

Valentina A. Maslova, Dr. habil., Professor, Professor of the Department of Germanic philology of P.M. Masherov Vitebsk State University; e-mail: mvavit@tut.by.

Anton A. Lavitski, Head of the Department of Germanic philology of P.M. Masherov Vitebsk State University, PhD (Philology), assistant professor; e-mail: anton_lavitski@mail.ru.